

А.С. СТЫКАЛИН

(Институт славяноведения РАН, Москва)

ПОЗИЦИЯ НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ ВЕНГРИИ И РУМЫНИИ В ОТНОШЕНИИ ТРАНСИЛЬВАНИИ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ ПАРИЖСКИХ МИРНЫХ ДОГОВОРОВ 1947 г.

Abstract:

Stykalin A.S. *Attitudes of new political elites of Hungary and Romania towards the Transylvania issue during framing of the Paris Peace Treaties of 1947*

The article examines the confrontation of the interests of the political elites of Hungary and Romania concerning the future of Transylvania in the context of the evolution of the attitudes of the victorious powers to the issue.

Ключевые слова: Парижские мирные договоры 1947 г., Парижская мирная конференция, Венгрия, Румыния, Трансильвания, антифашистская коалиция, державы-победительницы во Второй мировой войне.

Вопрос о послевоенных межгосударственных границах в Дунайско-Карпатском регионе и его отражении в проектах будущих мирных договоров с союзниками «Третьего рейха» Венгрией и Румынией приобрел актуальность в начале 1944 г. К этому времени становилось все более очевидным, что война раньше или позже завершится победой антигитлеровской коалиции, а вместе с поражением нацистской Германии рухнет и установившийся по ее воле европейский «порядок». Это означало полную утрату легитимности решений обеих Венских арбитражей (октябрь 1938 г. и август 1940 г.), не говоря уже о территориальных приращениях Венгрии, осуществленных в годы Второй мировой войны силовым путем с санкции Берлина¹.

Проекты послевоенного устройства Европы прорабатывались как в Вашингтоне, Лондоне, так и в Москве, где этим занимались, в частности, комиссии при Наркомате иностранных дел СССР (НКИД), возглавляемые И.М. Майским и М.М. Литвиновым. При этом, как явствует из материалов комиссий², руководство СССР придавало Румынии более важное стратегическое значение, чем Венгрии, ведь контроль над Румынией открывал ворота на Балканы и к Черноморским проливам. В силу этого возникает идея будущего долгосрочного пакта о военном сотрудничестве с Румынией с предоставлением СССР права держать в этой стране свои базы (в том числе военно-морские и авиационные)³. С другой стороны, в материалах комиссий Наркоминдела четко проводилась мысль о том, что СССР настолько же заинтересован в усилении послевоенных позиций Чехословакии, насколько не заинтересован в уси-

лении Венгрии: если при окончательной перекройке карты Европы окажется возможным «прирезать» к Чехословакии какие-либо новые территории (тем более в целях компенсации за передаваемую ею СССР Подкарпатскую Русь), это стоило бы без колебаний сделать⁴; в то же время любой спорный территориальный вопрос в отношениях Венгрии с ее соседями (будь то Чехословакия, Румыния или Югославия) было бы целесообразно решать не в пользу Будапешта⁵.

Румынские оппозиционеры-эмигранты, вступая в 1944 г. в контакты с представителями антигитлеровской коалиции, пытались выяснить условия будущего перемирия и каждый раз доказывали целесообразность включения в проект перемирия положения о полной передаче Румынии Трансильвании, что гарантировало бы, по их мнению, безболезненный переход страны на сторону антигитлеровской коалиции⁶. Западные державы считали преждевременным давать такие обязательства и гарантии⁷, в Лондоне и Вашингтоне как возможная альтернатива рассматривалась идея создания независимой Трансильвании. В Москве такой проект тоже прорабатывался как своего рода запасной вариант – об этом явствует, в частности, из записей обсуждения в июне 1944 г. на заседании комиссии под руководством М.М. Литвинова⁸. Советские эксперты в целом осознавали невозможность строгого соблюдения этнического принцип при проведении венгеро-румынской границы, перерезающей на две части Трансильванию с ее смешанным населением. А значит, они понимали, насколько бесперспективно найти на этом пути решение, в равной мере удовлетворяющее как венгров, так и румын⁹. В этих условиях и возникла идея в качестве временного решения, вплоть до установления в Румынии надежного просоветского правительства, пойти на создание формально самостоятельной Трансильвании как советского протектората. Такое государственное образование мыслилось в качестве инструмента советской внешней политики в Дунайском регионе, орудия давления на Венгрию, Румынию и даже в известной мере на титовскую Югославию¹⁰. Правда, от этой идеи быстро отказались, поняв, что трансильванский государственный проект в современных условиях нежизнеспособен, ибо не может сплотить на единой платформе венгров и румын: нет единой трансильванской элиты, а есть политические силы, тянущие либо в сторону Венгрии, либо в сторону Румынии¹¹. Предпочтение было отдано присоединению Трансильвании к Румынии, при этом СССР следовало поставить в положение единственного гаранта сохранения у Румынии Трансильвании при выполнении ею двух условий: 1) тесный и долгосрочный союз

с СССР; 2) отказ от претензий на Бессарабию, аннексированную СССР в июне 1940 г. Предполагалось, что гарантированное соседней великой державой присоединение Трансильвании вполне компенсирует утрату Бессарабии, обладание которой Румыния, находясь в соседстве с СССР, не могла не считать для себя делом более чем проблематичным.

23 августа 1944 г. Румыния, как известно, решительно порвала с нацистской Германией. По более позднему признанию короля Михая, сделанному в беседе с венгерским историком М. Фюлепом в 1994 г., главным мотивом для него при разрыве с «Третьим рейхом» было стремление предотвратить утрату Трансильвании в условиях, когда западные державы не могли гарантировать право Румынии на этот край¹². В текст перемирия с Румынией от 12 сентября был включен тезис о послевоенном вхождении в состав Румынии «всей или значительной части» территории Трансильвании. Этот пункт перемирия стал реальностью, с которой не могли потом не считаться венгерские дипломаты на разных стадиях работы Парижской мирной конференции¹³. С одной стороны, Москва настояла на признании в тексте перемирия больших прав Румынии, нежели Венгрии, на Трансильванию, и это было успехом не только советской политики (имевшей виды на Румынию как послевоенного союзника СССР), но в еще большей мере успехом румынской элиты, вовремя переметнувшейся на сторону антигитлеровской коалиции. С другой стороны, представители западных держав добились включения в документ важной оговорки о «значительной части» Трансильвании, и она стала своего рода «зацепкой», которая, с одной стороны, позволяла державам-победительницам сохранять действенный инструмент давления на Румынию, а с другой, давала венграм некоторые надежды на частичную ревизию крайне неблагоприятных для страны довоенных, так называемых «трианонских» границ, а значит, расширяла, пусть в незначительной степени, поле маневров венгерской дипломатии.

Советская сторона без больших колебаний приняла предложенную представителями США и Великобритании поправку, поскольку это открывало некоторые дополнительные возможности для того, чтобы шантажировать Румынию, настаивая на проведении ее правительством курса, в большей мере соответствующего интересам руководства СССР. В дальнейшем действенным инструментом давления становится и вопрос о румынской администрации в Северной Трансильвании, которая должна была сменить в этом крае венгерскую с уходом частей вермахта и венгерской армии. Попытки установить румынскую власть на освобожденной

Красной армией территории имели место в октябре 1944 г., однако месяцем позже, в ноябре того же года, повсеместно вводится советская военная администрация – красноармейское командование не без оснований ссылалось на то, что румынская администрация не может (или даже не хочет) воспрепятствовать нежелательным межэтническим разборкам в тылу наступающей Красной армии (речь шла в первую очередь о погромах мирного венгерского населения военизированными отрядами, составленными из румын). Вернули румынскую администрацию в крае лишь в марте 1945 г., когда в результате разрешения глубокого внутривосточного кризиса к власти в стране пришло хорошо контролируемое СССР правительство П. Грозы. Если поздней осенью 1944 г. вопрос о восстановлении румынской администрации в Северной Трансильвании ставился в зависимость лишь от выполнения действующим правительством всех условий соглашения о перемирии, то потом он был по сути увязан с вопросом о характере власти в Румынии, причем, как следует из документов, формирование «надежного», с точки зрения СССР правительства Грозы в обмен на восстановление румынской администрации в Северной Трансильвании было не экспромтом, а заранее спланированным политическим ходом¹⁴, в качестве же политтехнолога выступал неоднократно посещавший Бухарест А.Я. Вышинский, в то время зам. наркома иностранных дел¹⁵. Выполнение СССР взятых на себя обязательств по Трансильвании не только стало успехом просоветских сил Румынии, но и привязало к левому лагерю главную венгерскую партию — Демократический союз венгров, довольствовавшийся получением сильных позиций во власти на местном (трансильванском) уровне и не претендовавший на большее. Сдержанная позиция Запада в отношении этой сделки была не созвучна настроениям в румынском обществе, общественное мнение справедливо связывало именно с левыми силами большой внешнеполитический успех, тогда как прозападная ориентация так называемых «исторических» (национал-цэранистской и национал-либеральной) партий ослабляла их позиции (выпускник Будапештского университета П. Гроза, хотя и слыл единственным в румынской элите «мадярофилом», скорее был самым умеренным мадярофобом. Тем не менее он демагогически призывал харизматического лидера национал-цэранистов Ю. Маниу сначала добиться от своих «англо-американских хозяев» подвижек в трансильванском вопросе, а затем уже рассчитывать на свое участие в правительстве¹⁶).

Торг между западными державами и СССР по вопросу о характере власти в Румынии продолжался на заседаниях Совета

министров иностранных дел стран-победительниц в сентябре и декабре 1945 г.¹⁷. США и Великобритания выражали готовность подписать с Румынией мирный договор лишь при условии придания ее правительству более представительного характера. С их стороны наблюдалось также стремление к установлению более справедливой в этническом плане венгеро-румынской границы, и, таким образом, допускалась ее некоторая корректировка в исторической области Кришана (в венгерской традиции – Парциум) на крайнем западе Румынии. Итоги последних свободных выборов в Венгрии 4 ноября 1945 г. (оглушительный успех Партии мелких хозяев, набравшей 57% голосов) были восприняты на Западе с воодушевлением, дав новые сильные аргументы в пользу более провенгерской позиции, однако это воодушевление вскоре сменилось разочарованием, когда выяснилось, что «мелкие хозяева» отнюдь не собираются бросать вызов коммунистам – они не пошли на формирование однопартийного правительства и даже уступили компартии контроль над силовыми структурами. Уже в декабре 1945 г. США и Великобритания дают согласие на подписание мирного договора с Румынией, удовлетворившись весьма формальным включением в состав правительства еще двух некоммунистических политиков, лояльных СССР.

Вопреки всем последующим усилиям венгерской дипломатии вопрос о послевоенной границе Венгрии и Румынии был по сути решен уже в декабре 1945 г. Но венгерская элита, видя в последние месяцы 1945 г. некоторые благоприятные для себя подвижки англо-американцев в трансильванском вопросе, этого не поняла, она ждала от Запада новых шагов в интересах Венгрии. Более того, надежды на некоторый пересмотр границ внушил венграм сам Сталин, любивший разыгрывать своего рода «политический театр», как это произошло и в ходе его встречи с венгерским премьер-министром Ференцем Надем, посетившим Москву во главе правительственной делегации в апреле 1946 г. («в пользу Венгрии еще можно было бы что-то прирезать, а что именно – мы посмотрим», говорил тогда Сталин¹⁸). Венгерская сторона, обнадившись, избегала в те месяцы контактов с румынами, не желая связывать себя какими-либо обязательствами. Активизировавшаяся в кулуарах Парижской конференции венгерская дипломатия все чаще ставит вопрос о тяжелом экономическом положении трансильванских венгров и о нарушениях при лишении венгров румынского гражданства. В 1945 г. эти вопросы фактически не поднимались, публично выражалось удовлетворение положением венгров в Румынии, особенно в сравнении с Чехословакией. Впрочем,

и в 1946 г. эту тему затрагивали осторожно, в целом считая правительство Грозы наиболее приемлемым для Венгрии румынским правительством, однако, по оценке министра иностранных дел Я. Дён-дёши (в том числе выраженной в ходе встречи с В.М. Молотовым 9 апреля), полный отказ от территориальных претензий к Румынии (тоже союзнику нацистской Германии) создал бы немалые внутривнутриполитические трудности для молодой венгерской демократии, ослабив позиции демократических сил¹⁹. Весной 1946 г. в Будапеште еще питали надежды на получение территории в 22 тыс. кв. км с гг. Надьварадом (рум. – Орадя) и Арадом, потом умерили и эти требования. Все было тщетно: лидеры западных держав не стали настаивать на корректировке границ, Москва же с самого начала заняла однозначную позицию. Вопрос был решен не в пользу Венгрии, собственно говоря, его решение ни в коей мере не зависело от более успешного «перетягивания каната» венгерской либо румынской дипломатией, а было всецело predeterminedено консенсусом победоносных держав.

В дальнейшем советское руководство, совершенно не заинтересованное в усилении центробежных тенденций в формирующемся под эгидой СССР военно-политическом лагере, приложило немалые усилия для примирения левых элит Венгрии и Румынии. Трансильванский вопрос, однако, продолжал и далее (что вполне понятно) присутствовать в национальном сознании как венгров, так и румын – в условиях жестких диктатур начала 1950-х годов подспудно, а затем все более открыто и зримо²⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Территориальные приращения хортистской Венгрии в 1938–1941 гг. происходили в такой последовательности. 2 ноября 1938 г. германо-итальянский арбитраж в Вене вынес решение о передаче Венгрии южных областей Словакии и Подкарпатской Руси (Закарпатской Украины) общей площадью около 12 тыс. кв. км и с населением свыше 1 млн человек. Весной 1939 г. венгерские войска оккупировали всю Подкарпатскую Русь. 30 августа 1940 г. на основании Второго венского арбитража Венгрия получила Северную Трансильванию (около 43 тыс. кв. км) с населением более 2,3 млн человек. В апреле 1941 г., во время антиюгославской кампании «Третьего рейха» и его союзников, венгерская армия оккупировала и закрепила за собой часть территории королевской Югославии (в исторической области Воеводина, относившейся к венгерским «коронным землям») площадью около 12 тыс. кв. км.

² См., например: Записка главы комиссии НКВД СССР по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу гитлеровской Германией и ее со-

юзниками, И.М. Майского народному комиссару иностранных дел В.М. Молотову по вопросам будущего мира и послевоенного устройства (датировано 10 января 1944 г.) // Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы / Отв. редактор Т.М. Исламов. М., 2000. С. 219–231.

³ Причем, если с Югославией и Болгарией в принципе допускался трехсторонний пакт с участием Великобритании (в которой в начале 1944 г. в Москве еще по инерции видели главного соперника на Балканах), то с Румынией, как отмечалось в вышеприведенном документе, пакт «непременно должен быть двусторонним» // Там же. С. 224.

⁴ Там же. С. 222. Как было отмечено далее в том же разделе записки И.М. Майского, «СССР выгодно стремиться к созданию сильной Чехословакии, которая ввиду политических настроений ее населения, а также в связи с недавним (в декабре 1943 г. – А.С.) подписанием советско-чехословацкого пакта взаимопомощи на 20 лет способна быть важным проводником нашего влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе».

⁵ Как было подчеркнуто в рекомендациях комиссии Майского, «СССР не заинтересован в создании сильной Венгрии. К тому же Венгрии, как и Италии, необходимо дать понять, что союзники не забыли ее позиции в нынешней войне. Поэтому политика СССР в отношении Венгрии должна сводиться к тому, чтобы сохранить венгерское государство, но по возможности сузить его территорию, строго следуя этнографическому принципу. В тех случаях, когда в применении данного принципа возникают какие-либо сомнения, решать вопрос следует против Венгрии. Третейское решение о Трансильвании должно быть пересмотрено в соответствии с национальным принципом, но с известным уклоном в пользу Румынии, которая... после войны должна заключить пакт взаимопомощи с СССР и, таким образом, станет важным фактором нашей обороны на юго-востоке. Венгрия, по крайней мере на первые годы после войны, должна быть оставлена в положении международной изоляции. На Венгрию также должны быть наложены репарации» // Там же. С. 223–224.

⁶ Показательны, в частности, материалы встреч советских дипломатов в Египте с румынским политиком князем Б. Штирбеем весной 1944 г. Как читаем в одном из донесений, «румыны придают первостепенное значение вопросу о возвращении Трансильвании. На этом вопросе Штирбей останавливается почти в каждой беседе с тов. Новиковым (послом СССР в Египте Н.В. Новиковым – А.С.). Так, в беседе 29 марта Штирбей сказал: “Вопрос о Трансильвании очень дорог сердцу румын, и положительное его разрешение подняло бы дух румынской нации”. В следующей беседе он прямо спросил тов. Новикова, готово ли Советское правительство дать заверения о возвращении этой области Румынии» // Там же. С. 232.

⁷ Об этом информировало Наркоминдел посольство СССР в Каире. Так, 8 апреля 1944 г., ознакомившись с советским проектом условий перемирия с Румынией, британские и американские дипломаты выразили некоторые сомнения в связи с уже включенным туда пунктом, где речь шла об анну-

лировании решений венского арбитража по вопросу о Трансильвании. При этом было замечено, что, «пожалуй, сейчас преждевременно давать такие ясные и определенные обязательства румынам». Конкретный ответ на советские предложения был ими отложен до консультаций со своими правительствами // Там же.

⁸ См. запись заседания Комиссии НКВД СССР по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства по вопросу о Трансильвании от 8 июня 1944 г. // Там же. С. 238–245.

⁹ «Любое разрешение будет вызывать недовольство одного или другого из этих государств, а то и обоих государств», – прямо указывал в своей записке от 5 июня Литвинов // Там же. С. 235.

¹⁰ Как справедливо замечал Литвинов, «при населении свыше 5 млн человек и площади свыше 100 тыс. кв. км Трансильвания была бы больше многих других европейских государств, обладая к тому же значительными экономическими ресурсами» // Там же. С. 237. По мнению Литвинова, контроль над новым государством позволил бы усилить советское давление как на Венгрию, так и на Румынию, и тем самым воспрепятствовать стремлению и той, и другой страны войти в какие-либо враждебные СССР коалиции.

¹¹ На заседании комиссии Литвинова видный советский дипломат Я.З. Суриц с немалым скептицизмом отреагировал на предложенный проект создания венгеро-румыно-трансильванской федерации в качестве некоего временного политического образования под эгидой СССР. По его оценке, никак не может быть жизнеспособной комбинация двух кровных врагов плюс некая величина, составленная из двух слагаемых, из которых каждое тянет в свою сторону // Там же. С. 240.

¹² См. интервью с королем Михаем: *Fülöp Mihály. A királyi Romania és Erdély, 1944–1947* // *História*. Budapest, 1994. № 2. 24–29.о.

¹³ Вопросы, о которых идет речь, нашли отражение в книге: *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос, 1940–1946 годы. М., 2008. Гл. 3, 4.

¹⁴ Так, в начале января 1945 г. Сталин, принимая в присутствии Г. Димитрова румынских коммунистов Г. Георгиу-Дежа, А. Паукер и Г. Апостола, призвал их доказывать всеми средствами пропаганды, что в случае создания в стране левого правительства с решающим голосом компартии Советский Союз «поможет, чтобы Трансильвания была румынской». См.: *Димитров Г.* Дневник. 9 март 1933 – 6 февруари 1949. София, 1997.

¹⁵ См.: Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946. Документы российских архивов / Отв. редактор Т.А. Покивайлова. М., 1998.

¹⁶ Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы. С. 352.

¹⁷ Материалы частично опубликованы // Там же. С. 324–346.

¹⁸ См. запись приема Сталиным венгерской правительственной делегации 10 апреля 1946 г. // Там же. С. 382–393.

¹⁹ См. запись их беседы // Там же. С. 378–381.

²⁰ См.: *Стыкалин А.С.* Венгерское национальное меньшинство в Трансильвании как фактор отношений Венгрии и Румынии в 1950-е–1980-е годы. Наследие прошлого и реальные проблемы эпохи социализма // Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение / Отв. редактор Е.П. Серапионова. М., 2014. С. 231–256.